Письмо

родителям первой учительницы

Удальцовой Евдокии Ивановны

открывшей церковно- приходскую школу

при Пророко-Ильинской единоверческой церкви

в селе Сосновка в 1906 году 28 сентября

28 сентября 1906 года

Дорогие

Тятенька, маменька и Манюшка!

Наверное, уже заботитесь, что я так долго не пишу вам? Я и сама знаю, что давно бы следовало написать, но я до сих пор не устроилась, то хотя бы и написала, но не было бы самого главного. Теперь же, немного поустроившись, пишу. Начну сначала. Вы уже знаете, что я осталась у священника. В первый день мы с ним ходили искать квартиру мне, но подходящей не нашлось; на следующий второй вечер был сход, был приглашен туда и отец Иоанн, а мы с матушкой сидели, поджидая его, разговаривали кой о чём. Но так как он пробыл там очень долго, то матушка извинившись, пожелала мне спокойной ночи и ушла спать, а я осталась дожидаться отца Иоанна – узнать результат схода. Наконец, часов в 10 пришёл и батюшка. Сход поручил нанять квартиру ему с церковным старостой и со мной. И так поговоривши об этом батюшка ушёл. А я помолившись перед единоверческими иконами предалась спокойному и крепкому сну, думая, что и отец Иоанн со своим семейством тоже почивают. Я помещалась в зале, но им, как я узнала потом было не до сна. Появление на свет четвёртой дочери не без хлопот конечно. Это событие поторопило батюшку поскорее найти мне квартиру, и в тот же день, то есть 14-го я переехала в дом напротив священнического дома, снятый для класса и квартиры учительницы вместе.

Дом пятистенный, двухэтажный. Раздевальня учеников внизу, класс и моя комната вверху. Помещение оказалось грязное, т.е. летняя грязь не смыта ещё. Две ночи пришлось ночевать в немытом, а потом вымыли, смели пыль с обоев. Но мне в своей комнате убрать по своему вкусу все уже не приходится. Нет дверей, теперь завесили старой коричневой шалью, но скоро готовые будут и двери. Половиков у меня не хватает, хозяйка дала своих. Вымыли, послали половину половиков моих, а вторую хозяйских.

Два стола под теми же серыми скатертями, три стула, ящик, кровать, этажерка, в которой моя посуда, а в низу ее будут книги, стенное зеркало, немного поменьше нашего и четыре горшка цветов: плющ и пёстрая герань со цветом. Вот и вся обстановка моей квартиры. Хорошо, уютно. Четыре окна и комната на дорогу.

Умывальник у меня тут в своей комнате. У хозяев семейство большое: три сына 15, 9 и 8 лет, три дочери 13, 12 и 6 лет. Два мальчика записаны учиться, да и девчонкам-то хочется. Не знаю, что будет. На хлебы к ним встать не решаюсь, потому что неряшливость невозможная, варёного не увидишь, а всё пареное. Подают молоко, мясо, сметану, грузди. Но я ничего не хочу и не отказываюсь, конечно, чтобы не обидеть.

Нашлись бы, конечно, опрятнее хозяйки, где можно встать на хлебы, но это будет дорого и неудобно. И вот решила остаться на своём содержании. Кстати хозяйка начинает стряпать получше. Спрашивала цену за стряпню, не сказывает. Говорит:

«Зиму проживёшь, сколько положишь». Так и осталось. Видимо хочется, чтобы я поучила ещё девчонок по вечерам. Питаюсь яйцами (подарили два с половиной десятка), да яблоками, заказывала в Тюмень 10 фунтов по 5 копеек. Как-нибудь буду питаться: уходить не хочется, квартира удобная вместе с классом и хозяин приторговывает, часто ездит в Тюмень, что для меня тоже важно очень. Вот например, он ездил, купил мне яблоков, а главное свозил Воробейчиковым ботинки поставить застёжку с кнопками.

Вы не удивляйтесь, что я только пишу о себе, о своей квартире, а школьном, главном деле ничего. Это объясняю тем, что ученья до 27 не было, потому что не готова школьная мебель и учебники. 26 был молебен, а 27-го начато ученье, едва ли не придётся ещё остановить его на несколько дней, так как парт только 6, а учеников сверх ожидания 45 человек. Да должно будет и все 50. Школьная обстановка будет вся полностью. Выслано 80 рублей казённых денег на это.

Здание школьное предполагается большое на 50 человек. Школа церковно-приходская, а не школа грамоты, как говорили мне учителки. Жалованье 10 рублей. Это объясняется тем, что у правительства нынче чахотка в казённых сундуках. И вот оно пользуется тем, что я не имею свидетельства (на звание учительницы) этой вывески, как выражается отец Иоанн.

Отец Иоанн меня успокаивает, что жалованье с нового года обязательно прибавят (даже сам хочет об этом походатайствовать).

Неудобств оказывается не так много как бывает при вновь открытых школах. Если какое неудобство так это теснота, зато хорошие новые парты, не пошатнутся и для меня квартира хорошая и готовое освещение, хотя вначале мне отец Иоаннн и предлагал освещаться мыслями, но я говорю мысли не всегда бывают светлы, а чаще мрачные, поэтому позвольте лучше керосину.

Так вот почти и всё пока о моих школьных делах. Теперь скажу несколько относительно здешней местности, села, людей.

Места здесь холмистые, река Ук, Сосновка и ещё речка названия которой я не знаю. Протекают, конечно по низким местам. Поэтому сёла и деревни стоят на низких местах, как Бердюгино, село Сосновское тоже на низком месте, при реке Сосновка. Часть села на высоком месте на противоположном берегу. Село большое, но улицы за исключением одной неправильные даже можно сказать совсем нет улиц. Проулки большие, а дома есть хорошие и торговля ладна. Есть лавка с мануфактурой. Я ещё не бывала в ней, но мне уже передавали, что семья Боровинского (фамилия торговца) желают со мной познакомиться. Близких знакомств я не предполагаю, разве схожу послушать граммофон. Вообще я не думаю заводить, как я и говорила уже с вами об этом. С Заимскими нужно карман потолще, а со здешними не стоит, т.е нет подходящих людей, кроме поповских. Псаломщик холостой (с ним уже познакомилась, как его обойдёшь).

Афонасий Александрович Речкин, который служил раньше в Бердюгиной вот с этим же священником отцом Иоанном Можаевым, ничего кажись ладно.

Торгующие Пётр Никонович Боровинский и масляная публика, если позволите причислить к интеллигенции. Вот и интеллигенция села Сосновки. Здесь артельный завод мастером которого Михаил Трофимович Колтунов учился у нас же в Суерском. С ним мне приходилось встречаться в одном доме, но он был под влиянием бахуса, поэтому спасовал, вернее обалдел и так просидел пока я тут была, а я была по делу недолго.

Есть ещё сливочное отделение братьев Ченцовых. У них же большая торговля и маслодельный завод в Новой Заимке. При нём, при отделении тоже мастер или «молокан», как его здесь называют, семейный человек, малоканшу я видела, а остальных и т.п. не знаю, да не интересно и знать.

По слухам народ грязненький. С простым народом, с крестьянами тоже ещё не познакомилась, так как не было ученья и не приходилось иметь дела с ними; но по видимому народ такой же обыкновенный, но не российский, как об этом говорили мне дома и неразвитый. Обращаются на «ты», это правда, но это ничего в сравнении с тем, что и у нас в Суерском таких не занимать. Близок пример, тятенька ворочает на «ты» священника и матушку, но благо они люди простые и все это наше невежество понимают. Отец Иоанн и матушка люди хорошие, простые. Я у них бываю да просто чуть не каждый день, но матушка у меня ещё не бывала. Обещается, когда уж посмелее станет выходить на улицу. Матушка, как и все дома духовного звания, слишком занята хозяйством и семейными делами. Поэтому разговор с ней слишком обыкновенный, односторонний, а отец Иоанн человек умный, может рассуждать, но больше всего в духе религиозно-нравственного, выписывает журнал «Правда православия». Кроме этого журнала и «Сельского вестника», кажись, ничего не выписывают. Два раза была в Новой Заимке. Село большое, стоит улицами, хотя не широкими, но очень грязное, так как тоже стоит на низком месте. Церковь небольшая деревянная, а рядом с нею стоит большая каменная, сложены уж своды, больше нашей (Суерской) и красивее, вся каменная. Тут же против церкви и знаменитая Новозаимская торговля братьев Ченцовых. Большой каменный дом, внизу магазин подо всем домом. Три окна и двое дверей. Торговля мануфактурными и другими, то есть всякими товарами. Есть трости и зонтики и ещё что-нибудь из тому подобных товаров. Тут же недалеко есть ещё две каменные лавки (отделения).

- Это тебе Манюша. Маме не говори. До начала занятий было скучновато, иногда набегали чёрные думы, кажется, бросила бы всё и поехала бы домой, лучше бы стала заниматься шитьём, мытьём и всем чем угодно, но разум подсказывает другое и нужно остаться. Такие мысли рождаются от полнейшего одиночества и страшнейшей невыносимой тоски. Но вот с началом учения меньше времени остаётся скуке. Если будешь чаще писать, из знакомых кто-нибудь черкнёт иногда,

но может быть я и свыкнусь с одиночеством, развлекаясь во время письма и чтения писем.

Как бы мне не рисовал отец Иоанн будущую «роскошную» школу, но я не могу хладнокровно вспоминать о моём милом собственными руками устроенном уголке! Представь…… . да что же это я, какая малодушная!? Вот в такие то минуты Бог знает на что можешь решиться. Однако же надо послушать разум, пока пока ещё не истощился. Ради Бога пиши скорей! Вот тебе программа: здоровы ли и что делаете. Видела ли Куш… и знаешь ли кто учительница, сторожиха? Какие новости в Суерском и кто бывает у тебя? Видела ли и что говорили со Степаном? И всё, всё… . жду с нетерпением. Дай гривенник караульному и попроси аккуратнее доставлять письма, а то братцы пожалуй перехватят. Письма ты конечно будешь хранить, поэтому советую отмечать месяц и число получки на конверте. Переданы ли деньги Поляковым.

Ваша «Дуняша».